

ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Татьяны Геннадьевны Максимовой
«Раннее творчество М. Горького в оценке
французской литературной критики и горьковедения XX–XXI вв.»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 — Русская литература

Как верно отмечено в диссертации Татьяны Геннадьевны Максимовой, на современном этапе отечественной и зарубежной науке приходится в значительной мере заново осмысливать феномен неоднозначной личности Максима Горького и его литературного наследия. Не только в российском литературоведении, но и в литературоведческой науке разных стран идет процесс переоценки художественных творений классика, осознания истинных интенций творческих устремлений художника, предпринимаются попытки квалифицировать границы его художественного мышления, ставятся задачи либо утвердить, либо развенчать представление о Горьком как идеологе пролетариата и основоположнике нового художественного метода — социалистического реализма. В этом смысле обращение к заявленной в диссертации теме — осмысление раннего творчества М. Горького французской литературной критикой и горьковедением XX–XXI веков, несомненно, **актуально** и заслуживает поддержки.

Одного этого ракурса достаточно, чтобы согласиться с актуальностью предпринятого научного изыскания, потому намерение докторантки отстоять положение современной науки о Горьком как зачинателе нового литературного направления — неореализма, о реализации в его творчестве неореалистической поэтики, размышления о Горьком как представителе Серебряного века уже избыточны. Рецепция французской критики и литературоведения — уже есть серьезная и масштабная задача. Потому **новизна работы** Т.Г. Максимовой несомненна и не требует дополнительных объяснений или аргументации. Введение в научный оборот отечественного горьковедения новых иноязычных (и опосредованных инокультурной традицией) материалов по Горькому, осуществленный докторанткой самостоятельный перевод с французского языка ряда статей, комментариев, текстов, важных для понимания особенностей восприятия Горького за рубежом в начале XX века и теперь, в веке XXI-м, их сопоставление и интерпретация, не просто новы, но необычайно ценные для осмысливания феномена «Горький» на современном этапе исторического развития (как страны, так и литературы). В Список литературы Т.Г. Максимовой включены более полусотни работ на французском языке, вовлечение которых в реферативный обзор позволяет докторантке проиллюстрировать если не единство, то явное сходство (или подобие) тех современных тенденций, которые эксплицируются как в отечественном, так и зарубежном (французском) горьковедении. Вовлечение в исследовательскую практику

новых (ранее малодоступных) материалов, их интерпретация и осмысление — одна из самых сильных и убедительных сторон диссертационной работы Т.Г. Максимовой.

Цель работы — проследить два этапа, которые прошло французское горьковедение в освоении и осмыслении ранних произведений Горького (рецепции начала XX века и современные исследования XXI века), — сформулирована ясно, цель очевидна и последовательно осуществлена в ходе научного исследования, проведенного Т.Г. Максимовой. Правда, на уровне дифференциации задач научного исследования у докторанта появляются некоторые неточности и несовпадения: если на первых страницах Введения соискатель рассуждает о соотношении *метода, сознания и мышления*, то при постановке одной из первых задач она намерена обосновать эксплуатацию терминов «художественное мышление» и «художественное сознание» (о которых вскоре сама скажет, что они нередко употребляются как синонимические), но рядом с ними ставит уже не метод, а понятие «неореализм» (что далеко не одно и то же). Четкая и ясная цель работы — осветить характер и способы перевода ранних рассказов Горького на французский язык и осмысление откликов французской критики на эти переводы — растушевывается (псевдо)теоретическими спорами и косвенными (в отношении к генеральной проблематике работы) концепциями. Одна из слагаемых второй задачи — «сформулировать рабочее определение понятия “неореализм”» — еще дальше уводит от основной цели исследования. И хотя (как мы знаем) канон диссертационной работы требует опоры на теоретическую базу, думается, в этом случае ее могли бы составить доминантные принципы переводческой практики (художественного или публицистического произведения), многое более важные для практики французских переводов Горького, чем рассуждения о взаимодополняемых «художественном сознании» и «художественном мышлении». Однако (оставаясь объективными) к части докторантки следует заметить, что корпусная часть диссертационной работы далека от этих около-научных споров, а базовые вторая и третья главы диссертации непосредственно связаны с принципами переводческих вариантов и вариаций. То есть, несмотря на нечеткость формулирования конкретных исследовательских задач, само исследование Т.Г. Максимовой развивается согласно стержневой цели, обозначенной ею во Введении.

Примерно то же замечание может быть высказано и по поводу теоретической значимости работы. На наш взгляд, она в определенной степени далека от (ли уточним — шире) заявленной темы исследования. Как покажет тщательно проведенное исследование Т.Г. Максимовой, в рецепции творчества Горького во Франции четко выделяются два этапа: на первом доминировал идеально-социологический подход, в т.ч. аспекты биографические и политологические, на втором — идеально-поэтические и художественные. Именно в этой четкой дифференции, которую формирует и демонстрирует работа Т.Г. Максимовой, и состоит ее теоретическая значимость. Не вполне ясны мотивы, по которым на первоначальном этапе

исследования молодой ученый так настойчиво склоняется к проблемам неореализма. Но повторяю, нечеткость в формулировке «канонических» позиций Введения целиком компенсируется непосредственным текстуальным анализом, который Т.Г. Максимова четко и последовательно проводит во второй и третьей главе, тем самым редуцируя (и перекрывая) впечатление от не доведенных до ясности и определенности предваряющих формулировок.

Несомненно, основное внимание в диссертационной работе Т.Г. Максимовой привлекают главы вторая и третья.

Глава вторая носит название «М. Горький в оценке русской и французской литературной критики начала XX века» и самой существенной ее частью становится обзор первых переводов ранних произведений Горького, сделанных во Франции в начале прошлого столетия, и первых критических отзывов на раннюю горьковскую прозу.

Наиболее важную и перспективную часть этой главы составляют наблюдения по поводу переводов Горького и восприятия русского творчества писателя французским читателем. Так, Т.Г. Максимова приводит сведения о том, что первым произведением Горького, опубликованным во франко-бельгийском журнале *L'Humanité nouvelle*, стал рассказ «Проходимец», переведённый М. Крогиус (1899). Затем в журнале *Mercure de France* — рассказ «Дружки» в переводе С. Кикиной (1900). В 1901 г. публикуются «Двадцать шесть и одна», «Вывод», «Дело с застёжками», «В степи», сборник «Бродяги» и другие рассказы в переводах А.М. Аничковой, С.М. Перского, Ernest Jaubert и Leon Golschmann и др.

В работе отмечается, что первыми переводчиками Горького были выходцы из России. Именно публикация А.М. Аничковой (псевдоним Иван Странник) рассказов сборника «Бродяги» приносит Горькому первый успех.

На с. 53 диссертант справедливо фокусирует внимание на конкретной задаче и говорит о том, что она «не умаляет^т заслуг Э.М. де Богюэ и А.М. Аничковой и других критиков, однако полагает^т, что именно Перский выступает по отношению к творчеству М. Горького и как переводчик, и как литературный критик, а затем и как историк литературы». Именно освещению горьковедческой деятельности Перского Т.Г. Максимова и посвящает (преимущественно) вторую главу.

Для понимания позиции Перского и для обоснования его литературно-критических взглядов Т.Г. Максимова в параграфе 2.1 дает освещение основных направлений русской критики 1890–1900-х годов, касающихся раннего творчества Горького. По наблюдениям автора диссертации, именно «русский взгляд» составил интеллектуальную базу ранней французской рефлексии.

По наблюдениям автора диссертационной работы, именно С.М. Перский, опиравшийся на материалы русской критики, сумел выработать и внедрить в общественное сознание французов начала XX века определённую концепцию творчества Горького, которая будет превалировать во французском горьковедении долгие годы. Именно он обратил внимание

французского читателя на новые типы, которые вводит Горький в литературу: герои бояки, обитатели ночлежек, «мужики-интеллигенты» (с. 56). Именно он (вслед за русской критикой) задал (предопределил) стратегию социологизации и биографизации в интерпретации ранних произведений Горького.

В целом глава вторая очень насыщена и весома. В ней молодой исследователь последовательно излагает позицию Перского, получившую отражение в предисловиях и комментариях, которые были сделаны французским критиком к тем первым трем сборникам, которые он составил и подготовил для французских изданий. Напомню, что Т.Г. Максимова вводит в научный оборот эти мало (практически не) освещенные в российском литературоведении сборники, тщательно и постранично (если не построчно) анализирует их состав, обращает внимание на характер перевода, на соответствие переводного текста позиции Горького-автора. Она внимательнейшим образом останавливается на предисловиях, которые предписаны сборникам и тексты которых, переведенные самой Т.Г. Максимовой, помещены в качестве Приложений 1–3 в диссертационной работе. Вся вторая глава — это множественность параграфов и подпараграфов, в которых автор диссертации выделяет и анализирует специфические грани горьковских концептов (будь то национальный характер, или свобода), инспектирует образность оригинала и перевода, апеллирует к многочисленным сторонам текста и перевода (и проч.). На мой взгляд, уже только вторая глава работы Т.Г. Максимовой, предложившая столь важный для осмысления иностранной рецепции творчества Горького материал, могла бы сама по себе составить базу для отдельной и полноценной диссертации. Переоценить вклад Т.Г. Максимовой в современное горьковедение на этом направлении невозможно.

Между тем впечатление от прекрасно выполненной главы несколько снижается схематизированностью и «выпрямленностью» выводов, которые предлагает здесь Т.Г. Максимова. Задавшись самой общей установкой на то, что первый этап освещения ранних переводов Горького на французский язык и первых критических отзывов на них французской критики носил биографический характер и был в серьезной мере политизирован (социологизирован), именно на этих аспектах автор работы и делает упор в выводах по второй главе. Хотя надо признать, что в ходе непосредственного анализа (в самой главе) она неоднократно выявляет случаи (тенденции) внимания французских критиков и переводчиков именно к эстетической стороне творчества Горького. Например, о работе Э.М. де Богюэ «Максим Горький. Произведения и личность писателя», Т.Г. Максимова так и рассуждает: «...<уже> в заглавии <...> акцентирован не биографический, а эстетический аспект оценки творчества М. Горького» (с. 66). Сходная сентенция звучит и относительно критики О. Лурье: «Лурье характеризует его <Горького> прежде всего как художника», у него Горький «прежде всего художник, а не писатель-революционер» (с. 71). Но в итоге, схематизируя выводы по второй главе, Т.Г. Максимова делает упор именно на

«биографизме» творчества Горького и такового ракурса его восприятия во Франции начала XX века, на фактах биографии писателя — свидетеля и участника важных исторических событий в России. «Тенденциозность» (упрощение) Т.Г. Максимовой бросается в глаза, хотя и объяснима — остается только посоветовать молодой исследовательнице быть более гибкой и понимать, что оценки (и тогда, и теперь) всегда могут быть (и бывают) разные. Кроме того, если применительно к русскому Перскому действительно можно сказать, что он ориентировался на отечественную критику, то вряд ли подобный подход работает и в отношении к французам: можно (было бы) предположить, что именно такое впечатление (биографизм и социологизм) и производил на самих французов молодой Горький и его новая («чужая» и неожиданная) для французов проза «писателя-буровестника».

Не менее существенна и концептуальна глава третья «Художественное мышление раннего М. Горького в исследованиях французского горьковедения XX – начала XXI веков». Действительно, «сегодня творчество и личность М. Горького, человека, покорившего весь мир своей неординарной биографией и особым взглядом на жизнь, <...> остаётся предметом дискуссий в литературном сообществе России и за рубежом» (с. 159). И, соответственно, в главе идет речь о современных французских переводах произведений Горького, о критических статьях, монографиях и исследованиях, выполненных современными переводчиками и, как правило, учеными-горьковедами, французами-славистами, главной задачей которых является «переосмысление творчества писателя, обращение к художественной составляющей его произведений» (с. 159). И, как видно, исследовательницей снова устанавливается «тенденция»: мол, обращение к художественной стороне, и снова — к неореализму. Но уже во второй главе автор работы находила не один пример «обращения к художественной стороне» и, наоборот, в современных исследованиях она видит черты «биографического» подхода, «социологизма». Так, Т.Г. Максимова делает весьма эмоциональное замечание: «западное литературоведение почти за сто лет немного продвинулось в исследованиях творческого наследия писателя, сосредоточившись в первую очередь на попытках расширить границы биографического мифа, тем более что в 90-е годы XX столетия горьковедение переживает серьёзный кризис как в России, так и за рубежом» (с. 65).

И вновь, отдавая должное автору диссертационного исследования, нужно сказать, что в самой третьей главе в ходе проводимого анализа она старается быть более объективной и достаточно ровной (гибкой) в наблюдениях.

Вновь, как и во второй главе, впечатляет материал, избранный Т.Г. Максимовой для анализа. Это современные литературно-критической интерпретации и переводческой рецепции ранних произведений Горького во Франции: перевод рассказа «Мой спутник», выполненный Ж. Перюс и его же критическая заметка к переводу рассказа и предисловие Г. Верре (2008);

рассказы «Старуха Изергиль», «Женщина с голубыми глазами» и «Однажды осенью» в переводе К. Мораль (2007), вошедшие в сборник «Un premier amour et autres histoires» с предисловием Ф. Эшарта; рассказы «Изложение фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца», «Биограф<ия>» и «У схимника» в сборнике «Veilleur de nuit et autres récits autobiographiques» М. Никё с его критической статьёй в качестве введения «Un autre Gorki»; повесть «Исповедь» в переводе М. Никё и Г. Верре (2005) и др. Практически все предисловия, заметки и критические статьи переведены самой исследовательницей, т.е. вновь демонстрируют очевидную новизну для отечественных горьковедов. Не вполне понятно, зачем исследовательнице понадобилось специально оговаривать и останавливаться на вопросе о том, что она рассматривает эти жанровые образования как метатекст (уводящее в сторону размышление), однако сам предложенный к осмыслению материал, несомненно, важен и интересен, плодотворен и располагает к аналитической рефлексии.

По наблюдениям исследователя, в современном французском горьковедении особой популярностью пользуются произведения Горького начала 1890-х гг., например, рассказ «Мой спутник». Примечательно, что Т.Г. Максимова предполагает, что «интерес к рассказу, по-видимому, вызван тем, что в нём много автобиографического материала, связанного с периодом скитаний М. Горького в 1891» (с. 163). И это обстоятельство снова обращает на себя внимание: желая сделать акцент на художественном мышлении писателя, исследователь видит и интерес французской современной критики к биографической составляющей проблемы. Очевидно, что это и не может быть иначе — одно от другого не отделимо (современный научный психоанализ тому подтверждение). И исследователь делает убедительный вывод: «Как видим, современная литературно-критическая интерпретация рассказа “Мой спутник” свидетельствует о том, что биографическая составляющая произведения рассматривается не в узких рамках концепции пролетарского искусства, а гораздо шире, с опорой на характеристику особенностей мировоззрения писателя в контексте идейных исканий конца XIX – начала XX века» (с. 170).

Последующее структурирование (композиционное оформление) третьей главы обращает на себя внимание. В отличие от второй главы, где последовательно рассматривались различные издания Горького и анализировались особенности переводного впечатления — сопоставление источника-оригинала и его переводческой версии. Третья глава строится по иному признаку — здесь на первый план выходят проблемно-тематические ракурсы: «женский вопрос» или «прометеизм». Представляется, что таковой подход возможен и допустим, но, на наш взгляд, было бы объективнее следовать логике предшествующей главы и делать акцент на характере интерпретации горьковских произведений во французских переводах, на сопоставлении оригинала и перевода, тем более что у одного произведения существуют по несколько современных переводов. Как известно, частности в литературе важнее общего.

Надо отметить, что в целом во всей работе Т.Г. Максимовой сильной стороной работы становится такой подход, когда она вначале дает анализ горьковского текста с «русской» стороны, а затем интерпретирует его французский перевод и то, каким предстает текст Горького с инонациональной стороны, со стороны французов-переводчиков. Думается, что принцип, использованный в интерпретации текстов Перского, был оптимальен, и его переложение на современные переводы только усилило бы восприятие новых, современных инотекстов Горького, отчетливее показало бы разницу (или сходство) между культурным этновосприятием русских и французов. Можно предположить, что Т.Г. Максимову в данном случае останавливало непосредственное знакомство с французскими славистами, часто приезжающими в Н. Новгород или в Москву на Горьковские чтения (например, с Мишелем Нике), и потому правило «уважительности», кажется, не позволяло ей акцентировать оценочность собственной позиции, она, по-видимому, боялась проявить «неуважение». Вместо анализа порой текст предстает реферативным. Принцип объективности не помешал бы и в данном случае: если к текстам Перского Т.Г. Максимова была достаточно требовательна, позволяла себе (убедительное) несогласие, то в текстах Верре или Нике она принимает все, полагаясь на авторитетность ученых-славистов. В рассуждениях о современных французских переводах Т.Г. Максимова (вероятно, намеренно) избегает аксиологического ракурса, хотя именно он (сопоставительный аспект) и был бы самым интересным и, думается, перспективным.

Однако и избранный Т.Г. Максимовой проблемно-тематический ракурс, опосредующий композиционное членение третьей главы, в целом правомерен, допустим и по-своему интересен. Не признать весомости и важности наблюдений, которые демонстрирует Т.Г. Максимов в третьей главе нельзя. Как было сказано ранее, это одна из наиболее интересных и сущностных глав диссертационного исследования.

По ходу оппонирования мною уже были высказаны некоторые замечания (хотя почти каждому из них я сама находила оправдание и объяснение). Но интересными для меня остались следующие вопросы:

1) можно ли всерьез говорить о разрушении Горьким реалистической традиции (мысль, которая активно муссировалась в работе на основе критических статей как русской, так и французской критики) и было ли горьковское творчество продолжением этой традиции? Вопрос основан на таких формулировках: Горький создавал образы героев, «оппозиционно настроенных по отношению к существующим моральным принципам жизни» (с. 73). Как вариант или продолжение того же вопроса: можно ли всерьез ставить Горького в более сильную позицию, чем Тургенева (с. 60) или Чехова (с. 134–136)? Отмеченная «пассивность», например, тургеневских героев, конечно же, не является, пассивностью в точном смысле слова, его герои не столь действенно активны, как у Горького, но их нравственное неприятие пороков окружающего мира, м.б., еще более выразительно, чем у последнего, в том и сила русской литературы (русской традиции). Речь, конечно, не идет

о базаровском типе (кстати, ошибочно названном в работе «лишним» героем, с. 60);

2) есть ли среди французских исследований те, которые при осмыслиении творчества Горького (раннего или позднего) ориентированы в сторону психоанализа? Вопрос связан с тем, что константное намерение французских исследователей (акцент сделаем только на них), по утверждению Т.Г. Максимовой, нередко напрямую связано с биографией и внутренним мироощущением Горького, с попыткой понять «феномен» Горького;

3) что останавливало автора диссертации от выдвижения собственных вариантов перевода, в случае, если она демонстрировала неприятие перевода (г.о.) С.М. Перского, и можно ли продемонстрировать один-два примера того, как допустимо было бы «улучшить» вариант Перского в отношении к переводному тексту Горького? Например, о переводах Перского — «печаль, тоска, тревога» (с. 111–112). Или: «каморка, неуклюжий» (с. 124); «грязь» (с. 130–131) и др. Речь о том, что любой перевод (и восприятие чужого языка) связаны с национальной традицией и особенностями этнической ментальности. Примеры показывают, что одно и то же («интернациональное») слово в разных языках имеет не только различную стилевую окраску, но (порой) и различную семантику. Так, в русском языке прием повтора позволяет художнику акцентировать мысль, усилить образ, породить стилевой ритм и проч. А, м.б., для француза повтор есть не прием, а тавтология, свидетельство не богатства приема, а скучности языка художника. И тогда, м.б., Перский, хорошо знавший французский язык, был прав, обращаясь не к повтору, а к синонимии, и, м.б., он не заслуживает доли высказанных упреков? (Т.Г. Максимова, с. 134: «переводчик, прибегая к синонимии, опуская эпитеты и целые предложения, игнорируя образные метафоры и заменяя их близкими по значению выражениями, заметно разрушает авторскую стилистику и тем самым существенно обедняет горьковскую идею...» М.б., вывод слишком прямолинеен и не вполне объективен?)

Это, пожалуй, главные вопросы, которые у меня остались.

Другими словами, все приведенные замечания и вопросы носят исключительно локальный и по большей части рекомендательный характер и не влияют на общую положительную (высокую) оценку диссертационного исследования.

Теоретическая и практическая значимость работы не вызывают сомнений: наблюдения, выводы и полученные результаты диссертационного исследования, со всей очевидностью, послужат основой для дальнейшего изучения раннего творчества М. Горького, могут быть использованы в общих и специальных университетских курсах по истории отечественной литературы XX в.

Автореферат полностью отражает основные позиции проведенного Т.Г. Максимовой научного исследования. Как видно из содержания диссертации и автореферата, **обоснованность и достоверность** научных

положений и выводов, сформулированных в диссертационной работе, обеспечиваются многочисленными аprobациями в научной аудитории (12 докладов на международных и всероссийских научно-практических конференциях и 14 публикаций, 5 из них в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ).

В целом кандидатская диссертация Т.Г. Максимовой представляет собой серьезное научное исследование, которое содержит решение актуальных научных задач, имеющих важное значение для современной науки, в частности горьковедения. Диссертация соответствует паспорту специальности 10.01.01 – Русская литература.

Представленное к защите диссертационное исследование «**Раннее творчество М. Горького в оценке французской литературной критики и горьковедения XX–XXI вв.**» является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и соответствует критериям, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842 (п. 9–14 «Положение о порядке присуждения ученых степеней»), а его автор, **Татьяна Геннадьевна Максимова**, заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Официальный оппонент, доктор филологических наук
(специальность 10.01.01 — Русская литература),

ведущий научный сотрудник

Научно-исследовательского института образовательного регионоведения
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена»

(191186 СПб., наб. реки Мойки, д. 48)

тел. (812) 312 44 92

моб. (921) 962 39 23

e-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Ольга Богданова

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись *О. В. Богданова*

удостоверяю «15 02 2018»

Отдел персонала и социальной работы

управления кадров и социальной работы

Ведущий документовед
отдела персонала
и социальной работы

В.В. Рубинчик

Ольга Владимировна Богданова